

13. Федотов, М. А. Правовые проблемы информирования общественности о терактах и контртеррористических операциях. Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции / М. А. Федотов // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации: научно-практич. комментарий / под ред. В. Н. Ушакова, И. Л. Трунова. – М.: Эксмо, 2006. – С. 424–441.

14. Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции (Одобрены VII Съездом Союза журналистов России 16 мая 2003 г.) // Терроризм. Правовые аспекты противодействия. – М.: Эксмо, 2005. – С. 708.

Кораблин К. К., г. Хабаровск

Состояние российского тюремного ведомства и условия содержания осужденных в местах лишения свободы (вторая половина XIX века)

Во второй половине XIX века в России наступила эпоха глобальных социально-экономических и политических преобразований. Во всех основных отраслях экономики и сельского хозяйства происходит дальнейшее оформление капиталистического уклада. Однако развитие капиталистических отношений осуществлялось в рамках действующего феодального способа производства. Вследствие чего производительные силы общества вступили в противоречие с существующим строем, что привело к обострению классовой борьбы и усилению антикрепостнического движения. В этих условиях царское правительство вынуждено было предпринять необходимые меры по реформированию существующих социально-экономических и политических отношений.

60–70-е гг. XIX века в России – время великих буржуазных либеральных реформ, затронувших практически все важнейшие сферы жизни общества и государства. В это время были проведены крестьянская (февраль 1861 г.), финансовая (1862–1866), судебная (1864 г.), земская (1864 г.), городская (1870 г.), военная (1861–1874) реформы, реформы в сфере народного образования и печати (1863–1864), тюремная (1879 г.) и др.

В стране наступила эпоха гласности, в которой так нуждалось общество. Был закрыт цензурный комитет, введенный еще Николаем I. Разрешена свободная выдача заграничных паспортов. Объявлена амнистия политзаключенным (декабристам, участникам Польского восстания 1830–1831 гг., петрашевцам), 9 тыс. человек были освобождены от политического надзора [7, с. 150].

Проведенные преобразования носили прогрессивный характер и заложили основу для дальнейшего эволюционного пути развития страны. Россия в определенной степени приблизилась к передовой для того времени европейской социально-политической модели развития, в рамках которой был сделан первый шаг к расширению роли общественности в жизни страны

и превращении России в буржуазную монархию. Реформы 60–70-х гг. XIX века значительно продвинули Российское государство по пути социально-экономической и политической модернизации.

Однако инициаторами реформ были лишь некоторые высшие государственные чиновники, так называемая «либеральная бюрократия». Этим объяснялась непоследовательность, незавершенность, узость большинства преобразований. Логическим продолжением реформ могло бы стать принятие умеренных конституционных предложений, но совершенное народовольцами убийство императора Александра II 1 марта 1881 года коренным образом изменило общее направление правительственного курса, который привел Россию в начале XX века к мощным социальным потрясениям [12].

В рамках предпринятых преобразований малозаметной была тюремная реформа, целью которой являлось усиление и совершенствование деятельности карательных органов государственного аппарата. В конце 70-х гг. XIX века, в связи с ростом революционных настроений в обществе, царское правительство было вынуждено предпринять ряд принципиальных организационных мероприятий, кардинально изменивших дальнейший процесс функционирования всей тюремной системы государства.

До второй половины XIX столетия общее управление тюремным ведомством в России не было централизованным, тюрьмы находились в ведении различных государственных органов. При этом система тюремного управления не была отделена от полицейского. Политические тюрьмы принадлежали III Отделению Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а общеуголовные тюремные учреждения находились в ведении Департамента исполнительной полиции Министерства внутренних дел.

В губерниях места заключения гражданского ведомства находились в подчинении губернаторов, в областях – начальников областей, в городах – градоначальников, которым вменялось в обязанность наблюдение за благоустройством мест заключения, условиями содержания заключенных, а также осуществление контроля за исполнением всех постановлений правительства. Губернаторам предоставлялось право назначения, перемещения и увольнения от должности начальников тюрем и их помощников. В самих местах заключения (в частности, в острогах) смотрители тюрем состояли из полицейских чинов, в распоряжении которых находилась команда тюремных надзирателей [10, с. 16].

В начале 80-х гг. XIX века общее количество мест заключения (не считая полицейских арестных помещений) в России достигает 767 [5, с. 12]. В их числе, в основном, были:

- тюрьмы общего устройства (тюремные замки, полицейские арестантские отделения, военные гауптвахты, дома предварительного заключения, исправительные тюрьмы);
- пересыльные тюрьмы;
- каторжные тюрьмы;

- монастырские тюрьмы (Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Андроновского, Троице-Сергиева, Суздальского и др. монастырей);
- остроги.

В одной лишь Москве насчитывалось около десятка самых разных учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы: 1) тюремный замок (острог); 2) пересыльный замок; 3) смирительный дом; 4) рабочий дом; 5) новая временная тюрьма, или «яма»; 6) отделение в здании присутственных мест; 7) арестное помещение при Екатерининском богадельном доме; 8) тюремное помещение при мещанском обществе; 9) арестантские роты гражданского ведомства; 10) арестантские помещения при полицейских частях города.

Перечисление названий наглядно показывает, что стройной системы организации мест лишения свободы не существовало. Мест заключения преступников было множество, однако в действительности четких разграничений между тюремными режимами не существовало. Рабочий дом не отличался от смирительного. Тюремный замок, или острог, арестантские роты гражданского ведомства также не имели принципиальных различий.

Целям предварительного заключения преимущественно служили арестные помещения при полицейских управлениях. Неблагозвучное выражение «яма» стало вывеской долговой тюрьмы для несостоятельных должников (крестьян, мещан, разорившихся помещиков и др.), которые содержались в помещениях для лиц, подвергаемых аресту по приговорам мировых судей. Деятельность последних регламентировалась «Временными правилами касательно помещений для подвергаемых аресту по приговорам Мировых Судей» и специальной «Инструкцией об устройстве помещений для лиц, подвергаемых аресту по приговорам Мировых Судей», утвержденными царским указом 4 июля 1866 г.

«Временные правила» устанавливали следующее: «1) помещения для подвергаемых аресту по приговорам мировых судей устраиваются в особо для того приспособленных или наемных домах и содержатся за счет земств; 2) заведование помещениями в каждом уезде принадлежит уездной земской управе; 3) заключенные содержатся в собственной одежде, а остающимся в помещениях более трех дней в случае необходимости выдается казенное белье; 4) количество кормовых денег и порядок довольствия заключенных продуктами питания определяются уездными земскими собраниями; 5) содержащиеся под арестом заключенные трудятся лишь по собственному желанию; 6) используемым на работах в пределах тюрьмы производится сдельная оплата; 7) содержащиеся под арестом могут (по желанию и с разрешения попечителя) направляться на местные общественные работы» [14].

Для нужд этапирования арестантов в места постоянного отбывания наказаний служили пересыльные (этапные) тюрьмы. Крупными пересыльными тюрьмами являлись: Московская, Санкт-Петербургская,

Нижегородская, Казанская, Илецкая, Орловская, Пермская, Томская, Тюменская, Тобольская и др.

Динамика численности заключенных, прошедших только через пересыльные тюрьмы Российской империи в период с 1882 по 1887 гг., наглядно представлена в нижеприведенной таблице.

Таблица 1

Год	Мужчины	Женщины	Всего
1882	88 052	14 796	102 848
1883	93 515	19 123	112 638
1884	85 304	17 506	102 810
1885	86 571	18 441	105 012
1886	79 054	16 174	95 228
1887	80 925	15 676	96 601

Среднее ежедневное количество заключенных, содержащихся в пересыльных тюрьмах (в округленных цифрах), было следующим: в 1882 г. – 4 604; в 1883 г. – 4 780; в 1884 г. – 4 691; в 1885 г. – 4 380; в 1886 г. – 4 212; в 1887 г. – 4 393 [2, с. 74].

К концу XIX в. в европейской части России и Сибири действовали 13 каторжных тюрем, в которых ежедневно в среднем содержалось свыше 5 тыс. ссыльнокаторжных, в то время как общая численность лиц, осужденных к каторжным работам, составляла 36 337 человек. Из каторжных тюрем печальной известностью пользовались Шлиссельбургская, Александровская, Акатуевская, Варшавская, Владимирская, Псковская, Смоленская, Саратовская, Орловская, Усть-Каменогорская, Харьковская, Херсонская, Новобелгородская, Новоборисоглебская и др.

Назначение других мест заключения четко не было определено, они служили как целям предварительного заключения, так и исполнения наказания [4, с. 507].

Осуждение на каторгу, ссылку, определение на поселение в Сибирь, как удаление участников массовых народных движений, национальных выступлений, «опальных чиновников», «лиц подозрительных», а также огромной массы уголовных преступников наряду с целями устрашения и возмездия за совершенные преступления, по-прежнему были направлены на экономическое освоение далеких окраин империи, улучшение путей сообщения, разработку месторождений полезных ископаемых (Карийские золоторудные каторжные прииски, Нерчинские горнорудные каторжные рудники), обеспечение развития промышленности и т. п., то есть царское правительство тем самым решало конкретную задачу «штрафной колонизации» окраинных территорий страны. На это, например, была направлена вся система государственного управления и нормативного регулирования наказания в виде ссылки в Сибирь. Ссылные поступали в ведение местных гражданских властей, основной задачей которых было

прикрепление осужденных к земле и расселение по малолюдным территориям [8].

С 1869 г. немаловажную роль в достижении дальнейших планов самодержавия по изоляции уголовных преступников и политических противников существующего государственного строя, а также хозяйственного освоения новых территориальных приобретений России на Дальнем Востоке стала играть Сахалинская каторга.

Во всех местах лишения свободы условия содержания осужденных не соответствовали предъявляемым требованиям. Повсеместно тюрьмы были переполнены. Санитарные нормы наполняемости тюремных помещений не выдерживались. Заключение не получали необходимого медицинского обслуживания.

Таблица 2

Сравнительные показатели нормальной и фактической численности заключенных, содержащихся в тюрьмах во второй половине XIX века [13, с. 292]

Место заключения	Нормальное количество заключенных	Среднее фактическое количество заключенных
Бакинская тюрьма	327	1324
Шуйская тюрьма	40	250
Петровская тюрьма	389	1000
Юрьевская тюрьма	125	300
Кутаисская тюрьма	274	760
Лифляндская тюрьма	237	600

Судя по четырем однодневным переписям тюремного контингента, общее число заключенных, содержащихся в местах лишения свободы Российской империи, было очень велико. Так, например, по состоянию на 1 апреля 1870 г. количество осужденных всех категорий составляло – 73 476 чел., на 5 января 1871 г. – 69 050 чел., на 5 июля 1870 г. – 66 495 чел., на 5 сентября 1872 г. – 81 695 чел. (из них содержащихся в тюрьмах – 76 474 чел., пересыльных арестантов – 5 221 чел.) [11].

Ежегодно, по пересыльным трактам, из одного конца страны в другой, перемещалось около 120 тыс. заключенных. Все попытки правительства организовать в Сибири поселенческие колонии остались безуспешными. Сибирская ссылка образовала искусственно опасный союз нищих, больных, беглых, бродяг и раскольников, союз, направленный на увеличение количества вновь совершаемых преступлений. В одной из докладных записок полицмейстер г. Санкт-Петербурга по этому поводу сообщал следующее: «В государстве нет ни одного места или города, которые были бы безопасны от озлобленных бродяг, бегающих из Сибири и готовых на всякую крайность от голода и жажды мщения... С 1867 по 1872 г. только в Санкт-Петербурге было задержано 8 015 бродяг, 145 беглых, 276 дезертиров, 134 человека, снабженных фальшивыми визами, и 51 966 беспаспортных» [6, л. 283].

Анализируя условия содержания осужденных в местах лишения свободы, нельзя не отметить воспоминания некоторых узников царских тюрем, которые красноречиво свидетельствуют о невероятно запущенном состоянии всей тюремной системы Российской империи накануне реформ. Так, например, бывший заключенный Шлиссельбургской крепости И.Л. Манучаров свидетельствует: «Железная кровать на день складывалась и замыкалась на скобу. Ни в каком положении днем не позволялось дремать... Я сидел на табуретке, наклонившись головой к столу, и пытался заснуть... Жандарм стукнул в дверь, чтобы не дать мне задремать. Когда он увидел, что я не обращаю на него внимания, он стал стучать непрерывно... Я рассердился и запел известную малороссийскую песню... Вошло несколько жандармов, двое взяли меня под руки. Я не сопротивлялся, тем не менее меня потащили, а когда вывели из тюрьмы, то человек восемь жандармов стали наносить мне удары кулаками по голове, спине, лицу, груди... Меня привели в камеру № 10, где, связанного по рукам и ногам в сумасшедшую рубаху, оставили на бетонном полу. Часов в 11 ночи меня развязали и перевели в камеру № 1, где я мог улечься на кровати...» [9].

Свои впечатления о пребывании в Новобелгородской центральной ссыльнокааторжной тюрьме оставил также бывший политический заключенный Н. А. Виташевский, который писал: «Состояние нашего здоровья было отвратительно. От недостатка питания, света и воздуха организм ослабевал, и, по законам патологии, у каждого из нас тот или другой орган, как более слабый в организме, начинал плохо функционировать... У меня страшно болела грудь, а доктор мне предписал производить утром и вечером холодные обтирания груди...» [17, с. 123].

Об ужасных порядках, царивших в Томской тюрьме, остались воспоминания С. Я. Елпатьевского: «...Томская тюрьма считалась самой большой в Сибири, на ее дворе находили вечный покой тюремные доносчики и предатели (такая была традиция – убивать их в Томской тюрьме), а начальство на это не обращало никакого внимания и спокойно подбирало их трупы. В этой тюрьме солдаты продавали арестантам водку, подавая ее на штыке в пузыре в окно покупателя, а тюремные надзиратели за 20 копеек отпирали дверь в огромную женскую камеру и впускали мужчин арестантов в образовавшийся таким образом публичный дом» [1, с. 259].

Лидер революционной боевой организации «Народная расправа», учитель С. Г. Нечаев, в 1873 г. был помещен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости и более 10 лет безвыходно провел там вплоть до своей смерти. О месте своего заключения он писал: «Алексеевский рavelин – тюрьма секретная. В самой крепости говорят о ней шепотом. На службу туда назначают солдат безграмотных, самых неразвитых и тупых. Им запрещено называть место своей службы при выходе из крепости. В этой тюрьме происходят злоупотребления невозможные в самой отдаленной провинции... Все казематы отсырели ужасно и стали погребями, температура зимой ниже нуля, арестанты страдают хронической простудой, наживают ужасные

ревматизмы на всю жизнь, а смотритель ходит по камерам в енотовой шубе. Несчастный узник, томящийся в одиночном заключении более 20 лет и утративший рассудок, бегаёт по холодному каземату из угла в угол, как зверь в своей клетке, и оглашает равелин безумными воплями. Проходя мимо ворот равелина в тихую морозную ночь, обитатели крепости слышат эти вопли...» [15].

Таким образом, констатация фактов и статистических данных, представленных в нижеприведенных таблицах, являются ярким свидетельством того, что во второй половине XIX века российское тюремное ведомство остро нуждалось в проведении эффективных мероприятий, направленных на совершенствование форм реализации всей пенитенциарной политики государства.

Таблица 3

Среднее ежедневное количество осужденных, содержащихся в местах заключения во второй половине XIX века [3, с. 36]

Год	Мужчины	Женщины	Всего
1	2	3	4
1890	96 174	10 305	106 478
1891	95 959	10 371	106 331
1892	101 230	11 124	112 354
1893	99 725	10 653	110 378
1894	91 337	9 577	100 913
1895	73 520	7 726	81 246
1896	68 366	7 220	75 586
1897	69 996	7 258	77 254
1898	76 694	7 982	84 676
1899	78 636	8 226	86 862
1900	77 736	8 122	85 858
1901	76 827	7 805	84 632
1902	81 611	8 278	89 889
1903	87 391	8 614	96 005
1904	83 999	7 722	91 720
1905	78 725	6 459	85 184
1906	104 293	7 110	111 403
1907	129 849	8 653	138 501
1908	159 972	11 248	171 219
1909	162 716	12 292	175 008
1910	156 933	11 931	168 864*
1911	162 763	12 465	175 228*

Примечание. Все цифровые показатели представлены в таблице в округленном виде.

* В эту цифру не вошли лица, содержащиеся в арестных домах и арестантских помещениях, в которых в среднем ежедневно находилось около трех тысяч человек.

Таблица 4

Статистические данные о беспорядках в местах заключения [2, с. 78]

Беспорядки	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.
Насильственные действия осужденных в отношении администрации мест заключения, надзора и военного караула	11	8	10	6
Убийства осужденными друг друга	8	6	5	2
Нанесение осужденными друг другу увечий, тяжелых ран и телесных повреждений	10	19	7	12
Подделка денежных знаков	1	–	2	–
Поджоги (без пожаров)	1	1	1	1
Преступления против собственности	–	1	1	1
Подкопы и проломы тюремных стен	19	10	19	25
Другие беспорядки	10	16	13	18
Пожары	2	5	2	10
Самоубийства и покушения на самоубийства	8	5	9	7
Всего:	70	71	69	82

Таблица 5

Побеги, совершенные осужденными, из мест заключения [2, с. 77]

Побеги	1884 г.	1885 г.	1886 г.	1887 г.
из тюремных зданий:				
а) мест заключения общего устройства;	137	119	117	216
б) исправительных арестантских отделений	24	9	15	26
вне тюремных зданий:				
а) мест заключения общего устройства;	36	59	62	106
б) исправительных арестантских отделений	71	80	70	110
Всего:	268	267	264	458
поймано осужденных:				
а) бежавших из мест заключения общего устройства;	129	121	135	190
б) бежавших из исправительных арестантских отделений	40	60	61	70
Всего:	169	181	196	260

Список использованных источников

1. Воспоминания Елпатьевского С. Я. о Томской тюрьме // Каторга и ссылка. – 1925. – № 2 (15).

2. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Отчет по Главному тюремному управлению за 1887 год. – СПб., 1889.
3. ГАХК. Отчет по Главному тюремному управлению за 1911 год. Часть 2. Приложения. – СПб., 1913.
4. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 2. / М. Н. Гернет. – М., 1951.
5. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 3. / М. Н. Гернет. – М., 1951.
6. Докладная записка председателя высочайше учрежденной комиссии для составления общего систематического проекта о тюремном преобразовании. Март 1873 г. // Тюремные преобразования в России: доклад комиссии, записки, сводная ведомость, исторические очерки. 1872–1874 гг. Часть 1. – [Б. м., Б. г.]
7. История России (Россия в мировой цивилизации): курс лекций / под ред. А. А. Радугина. – М., 1997.
8. Кодан, С. В. Политическая ссылка в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX в.: учеб. пособие / С. В. Кодан. – Иркутск, 1980, с. 12–13.
9. Манучаров, И. Л. Эпизод из жизни в Шлиссельбургской крепости / И. Л. Манучаров // Былое. – 1906. – № 8 (август), с. 81–82.
10. Мулукаев, Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России / Р. С. Мулукаев. – М., 1964;
11. О содержании тюрем и пересыльной части в империи // Тюремные преобразования в России: доклад комиссии, записки, сводная ведомость, исторические очерки. 1872–1874 гг. Часть 1. – [Б. м., Б. г.], лл. 238об, 239.
12. Орлов, А. С. История России с древнейших времен до наших дней: учебник / А. С. Орлов. – М., 2000, с. 256–257.
13. Остроумов, С. С. Очерки по истории уголовной статистики дореволюционной России / С. С. Остроумов. – М., 1961.
14. ПСЗ РИ – 2 (Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е). – Т. XLI. – 43458, с. 876–877.
15. С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине в 1873–1883 гг. // Былое. – 1906. – № 7 (июль), с. 161–162.
16. Уголовно-исполнительное право России: учебник / под ред. А. И. Зубкова. – М., 1997.
17. Централка. Из воспоминаний Н. А. Виташевского // Былое. – 1906. – № 7 (июль).

Корнилова Н. В., г. Хабаровск

Понятие и сущность договора

На протяжении тысячелетий в праве применяется такая правовая конструкция, как договор. Именно договор позволяет урегулировать поведение субъектов путем указания на границы их возможного и должного поведения, а также на последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения требований.

Что же понимается под договором? В «Толковом словаре великорусского языка» В. Даля под договором понимается «взаимное соглашение, условие, обязательство». На деловом языке договором называются предварительные условия или частное обязательство, а совершённое на законном основании – контрактом, условия такого контракта